

С. Кан

**Научные взгляды Л.Я. Штернберга
в контексте мировой этнологии
и его собственной идеологии народника
и еврейского патриота¹**

Введение

Взгляд на Л.Я. Штернберга как на ведущего представителя эволюционистской школы в российской этнологии давно утвердился как в отечественной, так и зарубежной науке². Это вполне понятно, поскольку все его основные опубликованные работы действительно написаны с позиций «героев его молодости» Л.Г. Моргана и Э.Б. Тайлора³. Однако, на мой взгляд, более внимательное прочтение не только научных публикаций Штернберга, но и его рукописей, лекций, писем и других архивных материалов, а также рассмотрение его довольно сложных и противоречивых научных взглядов в контексте *мировой* этнологии показывает, что «классический эволюционизм» уживался в его мировоззрении с идеями, перекликавшимися с Дюркгеймом, Боасом и даже Малиновским и Рэдклиффом-Брауном.

Особенно важным мне кажется введение в круг источников по изучению мировоззрения Штернберга его многочисленных статей, напечатанных в различных общественных и политических периодических изданиях середины 1890-х — начала 1920-х годов, как общероссийских, так и еврейских⁴.

---

¹ Фактические материалы и часть их интерпретации, изложенные в этой статье, почерпнуты из моей монографии *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist* [Кан 2009]. См. также мои более ранние публикации [Кан 2001, 2008; Кан 2003].

² Из наиболее важных работ последних десятилетий, затрагивающих теоретические взгляды Штернберга, нужно отметить статью А.А. Сириной и Т.П. Роон [2004], а также предисловие Б. Гранта к ранее не публиковавшейся рукописи Штернберга, изданной в США под его редакцией [Грант 1999].

³ Выражение В.Г. Богораза [1928].

⁴ Такой широкий подход к интеллектуальному наследию и мировоззрению Штернберга не был применен ни одним из моих предшественников. До появления подго-

Кроме того, следует учитывать тот факт, что между 1890-ми и 1920-ми годами во взглядах Штернберга произошли некоторые изменения. Имея немало коллег среди крупных зарубежных ученых и стараясь внимательно следить за новейшими работами в антропологии (и таких родственных ей науках, как лингвистика, психология и т.д.), Лев Яковлевич никогда не был догматиком и готов был пересматривать некоторые свои взгляды, не «предавая» при этом основ эволюционизма.

В рамках этого небольшой статьи мне хотелось бы на нескольких примерах проиллюстрировать подход к изучению и пониманию мировоззрения Штернберга, который я развивал в ряде статей, опубликованных за последние 10 лет по-английски и по-русски, и в первую очередь в изданной в 2009 г. в США книге «Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist» [Kan 2009].

Основные аргументы

1. Сходство между взглядами Штернберга и Дюркгейма на огромную роль *клана* в первобытном обществе и на его священную символику во многом связано с народническими взглядами первого; эти же взгляды объясняют его двойственное отношение к идее

товленной мной научной биографии Штернберга его политические произведения, упоминавшиеся в научной литературе, относились ко времени его пребывания в рядах «Народной воли». Обвинять авторов работ о Льве Яковлевиче, опубликованных до перестройки, в таких пробелах нельзя: политическая ситуация не позволяла им говорить открыто о его участии как в общественных и политических еврейских организациях (Еврейском историко-этнографическом обществе, Еврейской народной группе и т.д.), так и в партии эсеров (см., например, [Гаген-Торн 1975; Станюкович 1986]). Однако тот факт, что с конца 1980 годов не появилось ни одной научной публикации, использовавшей упомянутые мной источники, говорит о том, что мой собственный подход к изучению истории российской этнологии сильно отличается от того, который по-прежнему преобладает в России.

Что касается зарубежных исследований, следует отметить, что в то время как деятельность Штернберга в Еврейской народной группе и Еврейском историко-этнографическом обществе упоминается в нескольких из них, его активное участие в деятельности правого крыла партии эсеров в Петрограде в 1917–1918 гг. и особенно в газете «Воля Народа» нигде никогда не упоминалось (см. [Gassenschmidt 1995; Veidlinger 2009]).

марксистских этнологов и советских бюрократов о необходимости ускоренного перехода этих народов от первобытного общества к более прогрессивным социальным формациям.

2. Взгляды Штернберга на эволюцию религии были еще более непоследовательными. Соглашаясь с Тайлором и другими классиками эволюционизма в том, что монотеизм является более высокой стадией развития религии, Л.Я. Штернберг явно рассматривал *иудаизм* как *уникальную* и *наиболее прогрессивную* форму монотеизма и не спешил приветствовать замену ее агностицизмом или атеизмом. Не будучи религиозным человеком, он был страстно предан еврейству и рассматривал иудаизм как основную причину удивительного факта выживания этого маленького и гонимого народа, а также как важнейший источник не только наиболее гуманных идей христианства, но и многих прогрессивных европейских философских и политических учений, в том числе *гуманистического демократического социализма*, которому он оставался верен до конца своих дней.

3. Взгляды Штернберга на необходимость знания и использования этнографом языка народа, культуру которого он изучает, и его большой интерес к собиранию в поле материалов по языку и фольклору явно перекликаются с идеями Боаса по этим вопросам. И в том же, как Штернберг понимал, что такое культура (отдельного народа), тоже было много общего с идеями «отца» американской антропологии. Сходство их взглядов по этому коренному вопросу этнологии особенно заметно в университетских лекциях Льва Яковлевича 1920-х годов. К тому времени он уже успел несколько раз встретиться и подружиться с американским ученым, а также подробно ознакомиться с его работами¹.

---

¹ [Shternberg 1999; Grant 1999; Kan 2001, 2009]. Следует также отметить, что, хотя Боас и не разделял целиком радикальных политических взглядов Штернберга и Богораза, он всегда оставался умеренным социалистом западно-европейского типа и потому относился с симпатией как к их политической деятельности в 1905–1917 гг., так и к молодому советскому государству, в котором они (в отличие от эмигрировавшего в Америку Йохельсона) решили остаться (см.: [Kan 2006; Kan 2001, 2009]).

Нивхский род в глазах Штернберга-народника

Уже в самой первой научной публикации Льва Яковлевича «Сахалинские гиляки» проявился его особый интерес как к эволюции форм социальной организации (в особенности брака), так и к роли определенных социальных институтов в каждодневной и религиозной жизни этого народа. До сих пор большинство ученых концентрировало свое внимание на первом аспекте, тогда как второй не менее важен и интересен.

Описав нивхский род (*хал*) как институт, регулирующий брак, законы и обряды, связанные с кровной мезтью, структуру и принципы проведения медвежьего праздника, а также определяющий основную социальную идентификацию каждого человека, Штернберг практически слагает гимн тому положительному влиянию, которое, по его мнению, первобытный род оказал и до сих пор оказывает на характер (или, как мы бы сказали, «национальную психологию») нивха. «Неизбежная принадлежность каждого гиляка к большому родовому союзу наложила неизгладимый отпечаток на весь духовный склад его, на характер, нравы и умственное развитие. Эта привычка все обсуждать сообща, эта необходимость вступаться в интересы своих сородичей, эта круговая порука в делах мести, эти общие праздники и жертвоприношения, эта братская связь многочисленных отцов, братьев и детей, наконец, эта необходимость и обыкновение жить в больших юртах в сожителстве с десятками себе подобных, — необходимость, заставляющая гиляка постоянно жить на глазах других, — все это должно было выработать характер социальный, общительный, разговорчивый, серьезный и чувствительный в делах чести» [Штернберг 1893: 17–18].

Продолжая свою положительную оценку характера нивхов, Лев Яковлевич говорит об их гостеприимстве, первобытном равенстве и других «добродетелях первобытных племен», которые сохранились еще среди нивхов Амура в 1890-х годах, несмотря на отрицательное влияние эксплуатировавших их манджуров и русских. Заключительные слова Штернберга о будущем нивхов безусловно отражают и его эволюционизм, и народническую идеологию: «Участь их строя решена бесповоротно. Еще одно, два поколения, и гиляк материка

совершенно обрусее, и вместе с выгодами культуры он усвоит и все ее пороки» [Там же: 19].

В то время как реконструкция эволюции нивхской системы брака сконструирована Штернбергом-эволюционистом, описание роли рода в жизни нивхов сделано этнографом-полевиком и гораздо больше напоминает работы Рэдклиффа-Брауна или Малиновского, чем Моргана или Тайлора. Таким образом, можно сказать, что уже в ранних работах Штернберга по социальной организации народов Дальнего Востока классический эволюционист уживался со структурным функционалистом. Более того, его восторженное описание громадной роли, которую играл когда-то и продолжал играть род в социальной и религиозной жизни, а также в формировании национального характера (или того, что К. Гирц мог бы назвать «ethos») такого «первобытного» народа, как нивхи, явно созвучно концепции «механической солидарности» Дюркгейма. И это не удивительно: оба они были социалистами конца XIX в., видевшими в первобытном обществе важные черты, утраченные современными индустриальными обществами.

Иудаизм как высшая стадия эволюции религии

Мысли о том, что, самым главным и даже единственным вкладом иудаизма в сокровищницу мировой культуры было «открытие монотеизма», вырабатывались им постепенно. Они излагались в статьях, напечатанных в «Новом восходе» и «Еврейской неделе», главных русскоязычных еврейских газетах России 1910-х годов, а также в курсе лекций по «Эволюции религиозных верований», читавшихся им регулярно на этнографическом отделении Географического института, а затем на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ в 1919–1927 гг. Наиболее четкое выражение они получили в его докладе «Проблема еврейской национальной психологии», прочитанном в Еврейском историко-этнографическом обществе (ЕИЭО) и напечатанном в «Еврейской старине» в 1924 г. [Штернберг 1924].

В своих лекциях по эволюции религии Лев Яковлевич рисовал более или менее традиционную схему прогресса религиозных представлений от примитивного аниматизма к сложному политеизму

[Штернберг 1936: 519]. Как и другие эволюционисты, его предшественники, он доказывал, что следующим этапом эволюции мировой религии должен был быть монотеизм. Однако монотеизм этот Штернберг разделил на два типа: «анимистический» (более примитивный), свойственный таким народам, как древние египтяне, и «этический», созданный «семитическими народами» [Там же]. Если в первом типе единое божество еще сохраняет антропоморфные черты, то во втором оно, по его словам, теряет эти черты в дальнейшем своем развитии и является уже специальным этическим существом [Там же]. В университетской лекции, которая завершала весь курс по эволюции религии, Штернберг не останавливался на иудаизме. Но даже из его коротких замечаний было абсолютно ясно, что он отдает предпочтение этическому монотеизму. Штернберг настаивал на том, что последний, в отличие от более примитивного монотеизма, не мог мириться с социально-экономическим неравенством Древнего Востока и проповедовал борьбу за «царство Божие» на земле, а не только на небе [Там же].

Если перед аудиторий молодых советских студентов Лев Яковлевич, вероятно, не хотел открыто воспевать иудаизм, в 1924 г. он еще мог спокойно делать это в кругу коллег и друзей — членов ЕИЭО. Вернемся же к его статье о еврейской национальной психологии, основанной на этом докладе. Вначале автор обращает внимание на загадочный факт, который должен был поставить этнолога-эволюциониста в тупик. Почему, пишет он, если каждому типу социально-политического строя обычно соответствует своя религиозная концепция, чистый монотеизм не возник у таких народов, как вавилоняне, египтяне, персы, «создавших огромные империи с неограниченными монархами и главенствующими божествами, у народов, создавших высокоразвитый астральный культ <...> и, наоборот, он возник у маленького народа, едва поднявшегося со ступени племенной организации, не знавшего неограниченных властителей империй и никогда науки неба не культивировавшего» [Штернберг 1924: 19].

Решение этого парадокса Штернберг предлагает искать в том, что еврейский монотеизм «стоит одиноко в мировой истории» и «не укладывается в обычные рамки эволюции» [Там же: 21]. Происхождение такого монотеизма он относит к типу явлений, которые появ-

ляются «путем скачка» и являются «индивидуальными открытиями гениальных открывателей» [Там же]. Штернберг допускает, что этический монотеизм мог быть открыт и в другой среде, «но для того, чтобы он стал достоянием целой этнической группы, необходимо, чтобы в той группе были в наличности врожденные психические данные, способствующие восприятию такой чисто интеллектуальной концепции» [Там же].

Интересно, что в остальной части статьи автор подробно останавливается именно на том, что он называет «интеллектуально-рационалистическим» характером еврейского монотеизма, и доказывает, что ритуальная его сторона была более поздним наносным явлением. Интеллигент, впитавший с юных лет не только глубокие еврейские знания, но и светскую европейскую (и в том числе русскую) культуру конца XIX в., Лев Яковлевич ценил в иудаизме именно его гуманистическо-философскую и культурно-историческую, а не обрядовую или мистическую сторону. Так, призывая в своих статьях 1907–1916 гг. ассимилированную еврейскую интеллигенцию России «вернуться к своему народу», он указывал ей на то, что соблюдение таких праздников, как Пасха или Ханука, необязательно должно следовать букве традиционного религиозного закона. Однако это прекрасная возможность ознакомить детей с героической историей евреев.

Особенно близки этому старому народнику были древнееврейские пророки, проповедовавшие всеобщую социальную справедливость и сочетавшие в себе рационализм с «социальной эмоциональностью» [Там же: 36]. Они виделись Штернбергу предтечами социалистов, в то время как еврейская национальная психология объясняла, в свете его гипотезы, еврейскую политическую активность на благо всего человечества и присутствие большого количества евреев в социалистическом движении (от Маркса до вождей «Народной воли» и эсеров) [Там же: 37].

Не вдаваясь в подробности гипотезы Штернберга о развитии еврейской национальной психологии и еврейского этического монотеизма, в которой специалисты наверняка могут найти уйму ошибок, я хочу отметить, что она является прекрасным примером того, как взгляды этого еврейского патриота явно влияли на его эволюционизм. По меньшей мере эти взгляды заставляли его пересматривать

такие основные постулаты классического эволюционизма, как то, что все народы мира неизбежно должны пройти одни и те же стадии эволюции (в том числе в области духовной культуры). Не случайно в лекциях 1920-х годов Штернберг не раз упоминает такие факторы в развитии отдельных культур, как заимствование, диффузия и др.

Штернберг и Боас

На первый взгляд, в этнологических взглядах Штернберга и Боаса было мало общего, так как Боас не мог принять эволюционистские построения российского ученого. Так, почтив память Штернберга в своей речи на Международном Конгрессе американистов в Берлине в 1930 г., «отец» американской антропологии назвал его «русским Бастианом» и дал высокую оценку его работе в МАЭ, а также «фундаментальным исследованиям народов Амура». Но при этом он охарактеризовал своего друга и коллегу как «одного из самых ярких современных защитников всей схемы Моргана, да и всей эволюционной теории» [Boas 1934: XL–XLI]. В заключение он дал понять, что высоко ценит Штернберга-этнографа, но не Штернберга-теоретика, закончив выступление такими словами: «Как бы мы ни относились к этим [эволюционистским] теориям, собранный им важный фактический материал должен быть принят в самое серьезное внимание» [Там же].

Тем не менее, если отвлечься от глубокого расхождения по вопросу теории, у этих двух ученых было, на мой взгляд, немало общего. Например, Штернберг писал о том, как рано в своих этнографических исследованиях понял, что без солидного знания нивхского языка «истинная жизнь этого племени <...> и в особенности ее психологические аспекты останутся <...> недоступными» [Богораз 1928: 5]. Вероятно, вывод о необходимости серьезного изучения нивхского языка объясняет тот факт, что, несмотря на свой особенный интерес к социальной организации первобытного общества, Лев Яковлевич собрал такое большое количество материалов по нивхскому фольклору и лингвистике. Таким образом, несмотря на то что Боас попал в этнографию из точных наук, а Штернберг — из социальных,

оба они пришли к одинаковому выводу о невозможности понимания культуры чужого народа без понимания его языка¹.

Интересное сходство во взглядах этих двух этнологов обнаруживается и в вопросе о том, что такое отдельно взятая культура. Хорошо известно, что Боас рассматривал культуру как историческое явление, как совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли. А вот как определяет смысл этого термина Штернберг в курсе лекций «Введение в этнографию», прочитанных в ЛГУ в 1925–1927 гг.: «Культура — это единство людей, которое покоится на общем историческом опыте, который, в свою очередь, создает комплекс таких сильных воспоминаний и эмоций, что они объединяют миллионы людей в одно психологическое и историческое целое» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 21. Л. 26]. Такое историческое / психологическое / идеалистическое понимание культуры явно гораздо ближе боасовскому пониманию, чем тайлоровскому².

Заключение

Мне хотелось бы ответить на вопрос, являются ли те противоречия в научном мировоззрении Л.Я. Штернберга, на которые я указал в этой статье и которые я обсуждаю гораздо более подробно в книге о биографии этого ученого, признаком его слабости как этнолога-теоретика или нет. Ответ зависит от того, как относиться к его эволюционистскому теоретизированию. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что мало кто из ныне работающих ученых и в особенности специ-

---

¹ Конечно, Штернберг был не единственным дореволюционным российским этнографом, который изучил местный язык и собрал большое количество материала по местному фольклору. Таким этнографом был, например, его коллега Богораз, который впоследствии находился под еще большим влиянием Боаса и которого Боас пригласил участвовать в знаменитой Джекзуповской экспедиции. Однако, как мне кажется, в отличие от Штернберга Богораз не выводил из своего полевого опыта каких-то общих теоретических выводов для этнографии.

² Будучи социалистом, Штернберг не мог полностью отрицать существования различий в культуре разных социально-экономических классов одного и того же общества. Однако, по его мнению, многие общие исторические переживания и общий опыт объединяют *всех*, кто разделяет одну и ту же культуру.

алистов по этнологии народов Дальнего Востока принимает большинство этих идей всерьез. Не будучи таким специалистом, я, тем не менее, видимо, не ошибусь, если скажу, что большинство ныне здравствующих коллег ценят Штернберга-этнографа, лингвиста, фольклориста и педагога гораздо выше, чем Штернберга-теоретика эволюциониста.

А если это так, то, как я пытался показать в данной работе, именно в серьезных отступлениях Льва Яковлевича от основных постулатов классического эволюционизма заключались некоторые его весьма интересные и оригинальные идеи, перекликавшиеся с гораздо более новыми и плодотворными теориями и подходами к изучению духовной и социальной культуры конца XIX — начала XX в., с которыми его обычно не идентифицируют¹.

Кроме того, мне еще раз хотелось бы подчеркнуть, что проиллюстрированный мной подход к изучению научных взглядов такого *сложного и противоречивого мыслителя и общественного деятеля*, как Штернберг, который включает в поле зрения исследователя не только его чисто научные работы, но и все им написанное, является гораздо более плодотворным.

Библиография

Богораз В.Г. Штернберг как этнограф // Сборник МАЭ. 1928. № 7. С. 4–30.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. Л.: Восточная литература, 1975.

Кан С.А. Новый подход к изучению жизни и деятельности Л.Я. Штернберга // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века / Под ред. Т.П. Роон и М.М. Прокофьева. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003. С. 4–17.

Лев Штернберг в 1905 г. // Известия Института наследия Бронислава Пислудского. 2006. № 10. С. 214–219.

Сирина А.А., Роон Т. П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 49–94.

Станюкович Т. Л.Я. Штернберг и Музей Антропологии и Этнографии // Советская Этнография. 1986. № 5. С. 81–91.

¹ См. также положительную оценку ряда новых течений в западной этнологии первой четверти XX в. в статье «Современная этнология» [Штернберг 1926].

- Штернберг Л.Я.* Сахалинские гилияки // ЭО. 1893. № 2. С. 1–46.
- Штернберг Л.Я.* Проблема еврейской национальной психологии // Еврейская старина. 1924. № 11. С. 5–44.
- Штернберг Л.Я.* Современная этнология // Этнография. 1926. № 1 (1–2). С. 15–43.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Институт народов Севера, 1936.
- Boas F.* Lev Shternberg // Proceedings of the 24th International Congress of Americanists. Hamburg, 1934. P. 40–41.
- Gassenschmidt Ch.* Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. N.Y.: New York University Press, 1995.
- Grant B.* Foreword // The Social Organization of the Gilyak / Lev Shternberg. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1999. No. 82. P. XXIII–LVI.
- Kan S.* The “Russian Bastian” and Boas: or Why Shternberg’s “The Social Organization of the Gilyak” Never Appeared Among the Jesup Expedition Publications // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / W.K. Fitzhugh and I. Krupnik, eds. (Contributions to Circumpolar Anthropology 1). Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 217–248.
- Kan S.* Evolutionism and Historical Particularism at the St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography // Museum Anthropology. 2008. No. 31 (1). P. 28–46.
- Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Veidlinger J.* Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington: Indiana University Press, 2009.

Источники

Санкт Петербургский Архив Российской академии наук (СПФ РАН).
Фонд Л.Я. Штернберга.